

Научная статья

УДК 347.4

DOI <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/138-147>

М. В. Вронская

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Трансформация формы сделки в условиях реализации цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития

Аннотация. Научно-технический и технологический прогресс, современные цивилизационные вызовы и угрозы, связанные с эпидемиологической обстановкой и распространением COVID-19, устанавливают современные тенденции развития имущественного предпринимательского и общегражданского оборота в России, а значит, определяют трансформацию принципов, методов и механизмов действия норм гражданского права. В этой связи актуальность дистанционного (удаленного) взаимодействия субъектов имущественных отношений определила новый порядок и механизм заключения сделок. Предметом исследования выступает форма сделки как правовой способ фиксации обязательственных правоотношений и ее модернизация в условиях цивилизационного, научно-технического, технологического прогрессов и действительных транснациональных эпидемиологических угроз. Цель – исследовать новеллы гражданского законодательства в части применения цифровых механизмов в заключении и удостоверении сделок, выявить правовые проблемы, влияющие на эффективное применение цифровых инструментов и электронных форм фиксации российского торгового оборота. Прикладной характер круга вопросов, входящих в предмет исследования, определил его методы: индукцию и дедукцию, формально-юридический метод, анализ и обобщение правовых материалов, правовое прогнозирование. В статье актуализируются вопросы, связанные с правовыми пробелами в части правовой конкретизации «электронных и технических средств», субъектов электронной коммерции, электронной фиксации момента заключения сделки и надлежащих способов их идентификации и достоверности (действительности) воли и волеизъявления.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая сделка, электронная форма сделки, электронный торговый оборот, законодательные изменения, агрегаторы.

Вронская Мария Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры ГПД, Институт права. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5942-1158>; e-mail: m.vronskaya@mail.ru
138

M.V. Vronskaya

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russia

Transformation of the transaction form in the context of the implementation of digital technologies: current problems and development prospects

Abstract. Scientific, technical and technological progress, modern civilizational challenges and threats associated with the epidemiological situation and the spread of COVID-19 establish modern trends in the development of property, entrepreneurial and general civil circulation in Russia, and therefore determine the transformation of the principles, methods and mechanisms of operation of the norms of civil law. In this regard, the relevance of remote (remote) interaction of subjects of property relations has determined a new procedure for the mechanism for concluding transactions. The goal is to study the novelties of civil legislation in terms of the use of digital mechanisms in the conclusion and certification of transactions, to identify legal problems that affect the effective use of digital tools and electronic forms of recording Russian trade turnover. The article actualizes issues related to legal gaps in terms of the legal concretization of "electronic and technical means", subjects of electronic commerce, electronic recording of the moment of the conclusion of the transaction and the proper ways of their identification and the reliability (validity) of will and will.

Keywords digital transformation, digital transaction, electronic form of transaction, electronic trade, legislative changes, aggregators.

Введение

Посланием к Федеральному Собранию 15 января 2020 года Президент России В.В. Путин определил значимость цифровых технологий для развития страны: «Мы уже создали крупнейшую инфраструктуру... цифрового телевидения, по своим техническим параметрам – одну из самых современных в мире. Охват цифровым телевидением в России сейчас выше, чем, например, во Франции, Австрии или Швейцарии... Россия – одна из немногих стран в мире, где есть свои социальные сети, мессенджеры, почтовые и поисковые системы, другие национальные ресурсы. ...Высокая доступность Интернета должна стать конкурентным преимуществом России и наших граждан, создать широкое пространство для образования и творчества, для общения, для реализации социальных и культурных проектов. И конечно, это новые возможности для участия людей в жизни страны. Для нас значима каждая созидательная инициатива граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций, их стремление внести свой вклад в решение задач национального развития» [1]. При этом тенденции распространения цифровизации не ограничиваются сектором государственных и муниципальных услуг; сфера их применения охватила гражданские и предпринимательские правоотношения, электронные торговые площадки и договорные обязательства, определила законодательные инициативы в части правовой

регламентации механизма документооборота, оперативности взаимодействия субъектов имущественных правоотношений, порядка заключения сделок и удостоверения обязательственных правоотношений. Тем не менее эффективность реализации законодательных инициатив определяет необходимость в выявлении круга проблем правоприменения цифровых форм фиксации экономического оборота, договорных правоотношений субъектов для дальнейшего прогнозирования и возможности применения цифровых технологий в торговом имущественном обороте страны, юридизации удаленного (дистанционного) договорного процесса участников гражданских и предпринимательских отношений.

Базу источников настоящего исследования составили нормативные правовые акты различного уровня юридической силы, отдельные научно-практические труды в области применения цифровых прав и электронных сделок в их видовом многообразии (смарт-контракты, электронные биржевые сделки), однако комплексных доктринальных исследований, посвященных форме сделки в цифровом пространстве, не установлено, ввиду ее относительной новизны.

Основная часть

Вопросы имплементации цифровых механизмов относятся не только к сфере их реализации на уровне государственных и муниципальных услуг, но и актуальны применительно к изменившимся правилам торгового оборота в РФ. Роль дистанционной торговли в современном мире неизменно растет (особенно в период пандемии) при введении государствами ограничительных мер в отношении передвижения граждан как внутри страны, так и в части внешнего туризма, в связи с чем вопрос об исследовании механизмов реализации электронной формы торговли обеспечит реализацию имущественных интересов ее участников, предотвратит нарушения субъективных частных имущественных интересов, позволит обеспечить фискальные публичные интересы государства.

Новые цифровые сервисы, возникающие новые возможности для заключения сделок по различным основаниям сводятся к существенному с точки зрения исторического подхода совершенствованию механизма документооборота. Оперативность взаимодействия субъектов правоотношений приводит к появлению новых способов заключения сделок; на подобное изменение реагируют законодатели, которые в нормотворческой инициативе пытаются отразить наиболее приемлемый и востребованный инструмент реализации прав и осуществления обязанностей. Начиная с 2018 года Правительством РФ принимались отдельные решения по созданию и внедрению в гражданский оборот элементов цифровой системы, в частности: использование биометрической подписи как электронного аналога собственноручной подписи с использованием специального оборудования (светового пера, графического планшета), мобильная электронная подпись, мобильная электронная подпись с применением цифровых средств, абонентский номер клиента, электронная почта и др. [2]. Первичный опыт применения данных цифровых инструментов был предметом публичных слушаний, обобщенные результаты апробации которых определили изменения и дополнения граж-

данского законодательства в части включения новых форм удостоверения договора (п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса (ГК) РФ) [3].

К сожалению, вступившие в силу изменения и дополнения не лишены недостатков, одним из которых является отсутствие формализации и конкретизации того, что понимается под электронными либо иными аналогичными техническими средствами, надлежащих способов идентификации субъектов договорных обязательств и достоверности (действительности) их воли. При этом важно отметить, что электронные формы сделки имеют сложившийся положительный опыт своего применения в законодательстве зарубежных стран (Германии, США), а современная концепция реформирования гражданского законодательства протекает под влиянием зарубежного опыта стран, относящихся к правовой семье стран общего права и права справедливости (Англия, США).

Введение цифровых инструментов (например, биометрической и цифровой подписи) в электронный документооборот организаций и органов власти определило возможность применения цифровых инструментариев в гражданском (имущественном) обороте страны, в частности новыми формами заключения сделки и порождения договорных правоотношений стала возможность заключения электронных форм договора как лично с использованием электронной почты участников правоотношений, так и с применением информационного интернет-пространства (интернет-сайты) [4].

Отметим, что возможность использования личной электронной почты не является новым законодательным приемом, а традиционно относится к письменной форме заключения сделки посредством обмена данными при помощи почтовой (в том числе электронной), факсимильной и иных средств связи, однако ее применение до сих пор сопровождается возможностью возникновения споров в части легализации и придания юридической силы соответствующей переписке, установления момента заключения сделки и правовых последствий. Анализ норм действующего гражданского законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии формально выраженных законодательных диспозиций в части разрешения поставленных вопросов; их разрешение осуществляется в рамках судебного доказывания, в результате которого судом осуществляется толкование текста сообщений электронной переписки в части уяснения действительной воли контрагентов, направленной на порождение соответствующего правоотношения.

Неменьшее количество вопросов возникает в связи с нарастающим оборотом заключенных электронных сделок посредством цифрового интернет-пространства. При этом сфера применения вышеизложенной формы заключения договора довольно обширна благодаря цифровой оснащённости участников, особенно в части электронной торговли, субъектами которой выступают профессиональные участники-предприниматели и потребители. Подобные сделки чаще всего осуществляются через интернет-сайты, которые содержат информацию о различных видах товаров и их продавцах, что значительно упрощает поиск необходимой вещи среди всего объёма товарной массы за счёт применения цифровых поисковых механизмов.

Формой заключения электронной сделки здесь выступает ознакомление пользователя интернет-магазина с электронной формой соглашения, которое уже находится на сайте. В случае согласия с условиями предоставляемого соглашения пользователь посредством «клика» может принять его условия и тем самым дать акцепт в электронном формате; моментом порождения соответствующего обязательства здесь выступает конклюдентное действие. Несмотря на то, что «конклюзия» как выражение волеизъявления – исторически сложившийся способ заключения договора, подобного рода действие вызывает споры в судах различных инстанций, связанные с неосведомлённостью пользователей с условиями электронного соглашения по причине их невнимательности. Обычно исход дела сводится к правомерности действий другой стороны договора, так как о противоправных действиях речь не идёт с учетом презумпции добросовестности в действиях субъектов гражданского оборота. Иным способом заключения электронного договора является использование автоматической ссылки и открытого доступа пользователя к электронному соглашению путем перехода по гиперссылке и ознакомления с указанной информацией. Данный метод называется *browse-wrap* (*web-wrap*). Полагаем, данная электронная форма заключения договора должна стать единственной в отношении публичных оферт (предложений о заключении договора неопределенному кругу лиц), для чего необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство в части установления обязательной процедуры и самого порядка заключения электронной формы договора на условиях публичного предложения.

Не менее актуальным вопросом при условии заключения электронных договоров является определение места заключения сделки. По общим правилам, закреплённым в ст. 444 Гражданского кодекса РФ [5], таким местом будет являться место жительства или место нахождения лица или организации, которая направляла предложение о заключении договора на тех или иных условиях. Сталкиваясь с практической частью применения норм, регулирующих такой механизм, как *browse-wrap* (*web-wrap*), перед правоприменителем встаёт ряд проблемных вопросов. Например, возможно ли признать принятие данного соглашения выражением согласия в явной форме? В данном случае необходимо обратиться к конкретным методам зрительного отображения указанной в соглашении информации. Следовательно, не во всех случаях действия, совершаемые пользователем, будут рассматриваться с позиции права как акцепт.

Интересным является регулирование применения электронных средств в части устного заключения сделки. Норма права, регулирующая данные правоотношения, находится в ст. 159 ГК РФ. Она предусматривает возможность заключения сделки в устной форме с использованием электронных средств при помощи голоса клиента и контрагента, который может проводить переговоры с использованием специальных технических программ, способных передать все условия соглашения в голосовом формате. Такой формат, так же как и иные цифровые методы, предполагает простоту использования при удаленности субъектов, однако нуждается в правовой регламентации. Среди актуальных вопросов применения цифровой формы заключения сделки посредством акцептования в

голосовом формате отметим невозможность в полной мере удостоверения в том, что лицо, участвующее в подобных правоотношениях, обладает дееспособностью и свободой волеизъявления. С целью дальнейшего продвижения электронных форм заключения сделок и уменьшения количества юридических споров возможно предложить применение правовых механизмов, требующих своего формального закрепления в законодательстве. Важной гарантией уважения прав личности является закрепление в нормах закона требований о нотариальных действиях, гарантирующих легальность и достоверность различного рода документов, свободы воли и волеизъявления сторон. Ряд исследователей при изучении данной тематики выделяли необходимость установления дополнительных гарантий в сфере цифровых сделок; такой гарантией может выступать нотариальное действие. Полагаем, что в электронных сделках, заключаемых в отношении недвижимости и (или) особо ценного движимого имущества, а также в кредитном обязательстве в крупном размере возможно применение института обязательного нотариального удостоверения (одобрения) электронной формы фиксации заключения договора.

В кругу проблемных вопросов, которые были обозначены выше, отметим роль новых субъектов (агрегаторов), электронных провайдеров-посредников в договорной цепочке и их ответственность по заключённым сделкам. Так, информирование лиц о тех или иных товарах (предмете сделки) происходит благодаря использованию цифровых технологий, и в случае недостоверности указанных данных и (или) намеренного сокрытия каких-либо негативных свойств товара агрегатор как один из участников правоотношений будет нести ответственность (например, в виде обязанности по возмещению ущерба, причинённого негативными свойствами вещи, о которой продавец намеренно не проинформировал покупателя). Однако идентификация агрегатора не имеет своего полного и законодательного определения и конкретизации, несмотря на то, что законодательные попытки реализованы в рамках законодательства о защите прав потребителей (ст. 9, 12 ФЗ «О защите прав потребителей») [6]. В контексте настоящей статьи согласимся с умозаключениями А.А. Иванова, который в своей научной работе «Бизнес-агрегаторы и право» определяет первых как «коммерческую организацию, которая создает инфраструктуру, позволяющую производителям и потребителям оформить посредством мобильных устройств и приложений для сети Интернет все этапы договорного процесса: от первоначального волеизъявления одной из сторон до исполнения уже заключенного договора» [7]. Кроме того, уточняет Н.Г. Кузнецова в своей научной публикации, «договоры заключаются также без установки приложений из мобильной платформы на сайтах соответствующих агрегаторов» [8]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что «агрегатор» является не только информационным посредником, но и регулятором, организатором деятельности платформы (сайта) по заключению и исполнению электронных договоров. Следовательно, определение и последующие диспозиции норм закона о защите прав потребителей носят узконаправленный потребительский характер, не раскрывают юридическую сущность и статус «агрегатора», не отражают весь круг вопросов проблемного поля: не распростра-

няются на агрегаторов информации о работах, цифровом контенте, не применяются ко всем субъектам электронной торговли (пользователи-предприниматели), не определяют преддоговорную ответственность и обязанности агрегатора, не позволяют установить момент заключения и надлежащего исполнения договора и т.п.

Дополнительно к вышеизложенному отметим, что уровень научно-практической значимости цифровых институционариев в регулировании имущественных отношений настолько высок, что вслед за законодателем опыт и необходимость применения цифровизации в торговом обороте стали предметом научных дискуссий в части выделения новой отрасли права – цифрового права. Часть исследователей предпринимают попытки выделить цифровое право из гражданского, однако в настоящее время это преждевременно ввиду отсутствия возможности определения самостоятельности предмета правового регулирования; это приведет к выхолащиванию хрупкой, до сих пор не устоявшейся правовой основы, цифровизации в российском правовом пространстве [9]. Круг имущественных правоотношений, регулирование которых включает цифровые формы и инструменты, составляет предмет регулирования гражданского права, а сепарация цифрового права приведёт лишь к дублированию норм гражданского законодательства. Так, гражданское законодательство составляет основу цифровых объектов – цифровых прав (ст. 128, 141 Гражданского кодекса РФ), порядка заключения электронных сделок и обязательственных правоотношений (п. 2 ст. 160, 309, 434 Гражданского кодекса РФ). Тем не менее исследовательский потенциал цифрового права велик в силу неразработанности и новизны тематики, а его научное осмысление может послужить основой законодательных инициатив и законопроектов, направленных на совершенствование правовой регламентации и применение цифровых инструментариев в российском гражданском (имущественном) обороте.

Выводы

1. Успешный опыт применения информационных и цифровых технологий в государственном и муниципальном спектре публичных услуг позволил продолжить их реализацию в сфере частноправовых имущественных (предпринимательских) отношений. Особую актуальность цифровизация гражданского оборота страны получила в связи новым цивилизационным этапом развития общества (робототехника, нанотехнологии, искусственный разум и т.п.), а в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки распространения COVID-19 позволяет компенсировать риски частных лиц (граждан, организаций) и обеспечить экономическую безопасность и национальные интересы России. Новейшими цифровыми объектами и инструментариями в рамках совершенствования гражданского законодательства стали нормы о цифровых правах как объектах и электронной форме договора.

2. Анализ норм действующего гражданского законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии формально выраженных законодательных диспозиций в части определения следующего круга проблемных вопросов: цифровых форм удостоверения (фиксации) и действительности (достоверности) воли и во-

лейзъявления контрагентов электронной сделки, момента заключения электронной сделки, места заключения сделки, определения правового статуса и ответственности профессиональных участников электронного торгового оборота (агрегаторов электронных торговых площадок) и проч.

3. В качестве предложений, направленных на разрешение поставленных проблемных вопросов, можно выделить следующее. «Конклюдия» как форма закрепления электронных сделок может быть применима исключительно в договорах с заранее определенным (идентифицированным) кругом лиц, в то время как обязательным для заключения публичных электронных сделок посредством цифрового интернет-пространства (интернет-сайта, агрегатора торговой площадки) должно стать использование владельцами интернет-сайта (контента, агрегатора торговых площадок) автоматической ссылки и открытого доступа пользователя к электронному соглашению путем перехода по гиперссылке и ознакомления с указанной информацией. Данная электронная форма заключения договора должна стать единственной в отношении публичных оферт (предложений о заключении договора неопределенному кругу лиц), для чего необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство в части установления обязательной процедуры и порядка заключения электронной формы договора на условиях публичного предложения.

В законодательстве необходимо установить правовое положение «агрегатора» как субъекта предпринимательской деятельности, являющегося не только информационным посредником, но и регулятором-организатором деятельности платформы (сайта) по заключению и исполнению электронных договоров. Следовательно, распространить на него требования о преддоговорной ответственности за достоверность и достаточность распространения информации о товарах, работах (услугах), цифровом контенте, являющихся предметом электронных сделок, и требований об ответственности за исполнение по заключенным электронным сделкам.

Обеспечению имущественных интересов граждан и предпринимателей и обеспечению эффективной работы дистанционного (удаленного) торгового оборота страны в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки распространения COVID-19 будет способствовать дальнейшая законодательная формализация QR-кодов в части применения их как цифровых форм фиксации (достоверности, действительности и исполнимости) электронных договоров.

1. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года. – Текст: электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 13.08.2021).
2. Гринь О. С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 49–57.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/.

4. Пучков О. А. Трансформация договорного права в условиях информационных технологий: новые тенденции // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 39–46.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая, третья и четвертая (+ сравнительная таблица): по состоянию на 03.02.2021. – Москва: Эксмо, 2021. – 930 с.
6. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 10.08.2021).
7. Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. – 2017. – № 5. – URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/suvorov_jelektronnaya_torgovlya/ (дата обращения: 10.08.2021).
8. Кузнецова Н. Г. Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 1–15. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25508 (дата обращения: 10.08.2021).
9. Саранкина Н. Д. Цифровое право – отрасль, подотрасль или институт права? // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – Москва: Изд-во РУДН, 2019. – С. 561–568.

Транслитерация

1. Putin V. V. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 15 yanvarya 2020 goda. – Tekst: elektronnyj. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
2. Grin' O. S. Transformacii trebovanij k forme dogovorov s uchetom razvitiya cifrovyyh tekhnologij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 6. – С. 49–57.
3. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 18.03.2019 № 34-FZ (poslednyaya redakciya) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/.
4. Puchkov O. A. Transformaciya dogovornogo prava v usloviyah informacionnyh tekhnologij: novye tendencii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2019. – № 2. – С. 39–46.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya (+ sravnitel'naya tablica): po sostoyaniyu na 03.02.2021. – Moskva: Eksmo, 2021. – 930 s.
6. O zashchite prav potrebitelej: Zakon Rossijskoj Federacii ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (data obrashcheniya: 10.08.2021).
7. Ivanov A. A. Biznes-agregatory i pravo // Закон. – 2017. – № 5. – URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/suvorov_jelektronnaya_torgovlya/ (data obrashcheniya: 10.08.2021).
8. Kuznecova N. G. Pravovoe polozhenie agregatora informacii o tovarah (uslugah, rabotah, cifrovom kontente) i ego preddogovornye obyazannosti // YUridicheskie issledovaniya. – 2018. – № 3. – С. 1–15. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25508 (data obrashcheniya: 10.08.2021).

9. Sarankina N. D. Cifrovoe pravo – otrasl', podotrasl' ili institut prava? // YUrisprudenciya 2.0: novyj vzglyad na pravo: sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Moskva: Izd-vo RUDN, 2019. – S. 561–568.

© М.В. Вронская, 2021

Для цитирования: Вронская М. В. Трансформация формы сделки в условиях реализации цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 138–147.

For citation: Vronskaya M. V. Transformation of the transaction form in the context of the implementation of digital technologies: current problems and development prospects, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2021, Vol. 13, № 4, pp. 138–147.

DOI <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/138-147>

Дата поступления:
12.11.2021

Одобрена после рецензирования:
19.11.2021

Принята к публикации:
22.11.2021